

М. Н. ОЖЕГОВА

Пермь

ПЕСНИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ — КРЕПОСТНЫХ, ПРИПИСАННЫХ К ЗАВОДАМ, И СЕЗОННЫХ РАБОЧИХ

(из фольклорных записей П. А. Вологодина)

В конце 80-х — начале 90-х годов, в связи с новым общественным подъемом в многонациональной России, обозначился новый этап народознания. В это время (1887) редактором неофициального отдела Пермских губернских ведомостей П. А. Вологдиным были изданы песни коми-пермяков в типолитографии губернского правления г. Перми.

Сын крепостного рабочего, П. А. Вологдин на всех этапах своей жизни проявлял большой интерес к быту и культуре трудового народа — крестьян, приписанных к строгановским заводам, и сезонных рабочих. С этим связаны и его фольклорные занятия, записи коми-пермяцких песен, бытовавших в различных селах и деревнях б. Соликамского уезда¹, на территории современного Коми-Пермяцкого национального округа. Им подготовлена также обширная коллекция акварельных рисунков из жизни коми-пермяков.

Песни изданы в виде красиво оформленного альбома, на титульном листе значится:

**Песни коми-пермяков,
мелодии и тексты,
записанные
в Соликамском уезде Пермской губернии
П. А. Вологдиным,**

Действительным членом Антропологического отдела Императорского Московского общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии и Пермского Губернского Статистического Комитета, Редактором неофициального отдела Пермских Губернских Ведомостей.

Пермь.

**Типо-литография Губернского правления
1887.**

¹ Лишь одна песня («Матушка») записана в д. Коч Чердынского уезда.

Альбом содержит тридцать сопровождаемых мелодиями песен и две мелодии, исполняемые на дудках².

Выше было указано на локальный характер сделанных П. А. Вологдиным записей (б. Соликамский уезд). Больше всего записано песен в с. Кудымкаре (ныне центр Коми-Пермяцкого национального округа). Это такие песни: «По избе, избе кондовой», «На синем-то море», «Размальчишко», «Захотев(л)ось матушке», «Ты козяин» («Ты хозяин»), «Во кузенке», «Шинко-шинковав(л)а», «Сяду я, нападёт роса», в д. Вежайке Верх-Иньвенской волости записаны песни: «Ае да Мамо» («Отец и мать»), «Молодость», «Идет Ванюша»; в селах Соликамского уезда Ошибском и Белоеве — «Горе ли, бы горе» и «Раскрасотка»; в деревнях Кувинской волости — Чигасовой, Шукиной, Тебеньковой: «Из-за ельника», «Выше нашего двора», припев «Аля-ляй» к песням-импровизациям, сопровождаемый игрой на дудках; в деревнях Кудымкарской волости Пешнигорте, Ярковой и в с. Егве — «Я-де полем шв(л)а», «Поиграйте-ко», «Болят ножки».

Более обстоятельное знакомство с материалом сборника позволяет убедиться в том, что в нем содержатся песни общерусского традиционного фольклорного репертуара, которые оказались приуроченными к местным условиям, к восприятию людьми другой, нерусской национальности.

Коми-пермяки — искони двуязычный народ, являющийся носителем не только своего национального, но и русского народного творчества, в особенности песенно-обрядовой поэзии и сказочного эпоса. Этому способствовало соприкосновение с русскими еще в период Новгородской Руси, усилившиеся контакты с русским народом после добровольного присоединения Прикамья к Русскому государству в Московский период (1472), обращение коми-пермяков в христианскую веру, совместная борьба против татарской ханщины. Позднее имели значение и такие дополнительные факторы, как бурлачество, развитие судоходства по Каме и Вятке, усиление межнациональных связей через торговлю, смешанные семейно-родственные отношения.

Непосредственно от рабочих, на заводах, П. А. Вологдиным записано семь песен: «Кумушка менам» («Кумушка моя») и «Жив(л) я у пана» — на Пихтовом железном руднике Кувинской волости; «Шут на ёстрове» — на Кондовском железном руднике той же волости; «На Раменьи Ваник(х)а» — на Кувинском чугуноплавильном заводе; «Мы в посывке»³, «Ты-де зайныко»⁴ — на Кондовском руднике Кувинского завода; «Сизенький гов(л)убчик» — на Далдинском руднике Кувинского завода.

² Национальных музыкальных инструментов — полянах.

³ В единственном случае назван информатор — Федор Механошин.

⁴ Есть указания на коллективное исполнение: «Пели хором пермяки Кудымкарской волости 12 января 1869 года».

Вероятно, в этих местах общение собирателя фольклора с крестьянами и рабочими коми-пермяцкой национальности было постоянным, и он имел возможность основательно понаблюдать за бытованием народной поэзии.

Публикация П. А. Вологдиным песен коми-пермяков имела прогрессивное значение, она свидетельствовала о наличии песенного творчества у небольшого бесписьменного народа, которое до этого времени оставалось почти неизвестным читателю многонациональной России. Оно не издавалось, если не считать двух-трех песен, которые приведены П. И. Мельниковым-Печерским в статье «Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь»⁵ и довольно многочисленных песен, приведенных Н. А. Роговым в работе «Материалы для описания быта пермяков»⁶.

Ценность сборника состояла и в том, что в нем впервые давались образцы национальной народной музыки: каждая из песен сопровождается мелодией, нотами.

Песни, собранные П. А. Вологдиным, представляют собой традиционный крестьянский фольклор, широко бытующий на Урале. Генетические истоки песен — тяжелая жизнь коми-пермяцкого крестьянина, превращаемого часто по воле господина в рабочего.

Из семи песен, записанных П. А. Вологдиным от рабочих, выделяем прежде всего две, отличающиеся социальной остротой, — историческую песню, связанную с событиями 1812 года, «Шут на острове» и песню о крепостной неволе «Мы в посевке».

Первая из них проникнута глубоким патриотическим чувством и является убедительным доказательством того, что коми-пермяцкий народ считал своей родиной не только свой маленький край, а и то великое и необозримое, имя которому Россия. Песня записана и опубликована на русском языке, появилась она в среде пермяков, вероятно, в результате того, что была услышана от русских рабочих. Под таким же названием она встречается в собрании записей уральского фольклориста В. Н. Серебренникова.

Вопрос о влиянии русского текста на национальный может быть решен, на наш взгляд, положительно, потому что русский текст значительно больше по размеру и глубже по идейному содержанию. Приведем для сравнения тот и другой.

Шут на острове родился,
Во французе проявился,
Тот наш полевой
Полеванчик-самозванчик,
Самому черту приказчик.
Хитрый был француз.

Француз много крови пролил,
Сам себя избеспокоил,
В Россию зашел.
Во Россию он ворвался,
К нашей Москве подобрался.
Что вор получил?

⁵ «Отечественные записки», 1840, т. 13.

⁶ Пермский сборник. Повременное издание, 1860, кн. 2, с. 1—127.

Получил он, вор-ворище,
 Наше главное столишше —
 Прекрасну Москву.
 Не один в Москве гуляет.
 Князь Голицын господин
 планы показал.
 Планы показал, силу войска
 расправлял.
 Дратся, драться нанимался,
 Полковничков подряжал,
 Золотом дарил;
 Он и золотом дарил, сладкой
 водочкой поил.
 А без хлеба морил.
 Место хлеба, место соли
 Наварил, подлец, картови.
 Назвался хорош, молоденький,
 с нами, с нами.
 Солдатежки с тесоками
 Ну-тко воевать.
 Воевали, не робили,
 Много силы потребили,
 Что мир делали.
 Мы царю-то покорились,
 Константину поклонились
 Верою служить.
 Наполнял свои обозы,
 Распушил свечи, иконы,
 Разжиться хотел.
 Он разжиться не разжился,
 Только пуше разорился.
 Сам, подлец, бежал.
 Без чулок и без сапожек,
 Без черные свои шляпы.
 Рад бы, кто пригрел.
 Этой песенки конец,
 Кто споет — тот молодец.
 Девуцу ведет,
 За себя замуж берет,
 Девуца не идет,

Сладку водочку не пьет
 Да не кушает⁷.

*

* *

Шут на ёстрове родився,
 Во пранчузах появився
 Тот Наполеон!
 Тот Наполеон!
 Полевончик-самозванчик,
 Самому черту прикашник,
 Китрый був пранчуз!
 Пранчуз крови проливает,
 Сам себя избеспокоив —
 В Россию зашов!
 В Россию зашов!
 Во Россию он зашов,
 Да к нашей Москве
 подошов, —
 Что ж и повучив?
 Что ж и повучив?
 Получив-то вор-воришшо
 Наше главное столишшо —
 Прикрасну Москву.
 Прикрасну Москву.
 Не один в Москве кодив —
 С князь Голичин господин,
 Пваны показывав.
 Пваны показывав.
 Эти пваны показав,
 Войско-сиву разряжав,
 Дратьча нанимав.
 Дратьча нанимав.
 Ободрав в черквах иконы,
 Раздарив своим ербозам,
 Розжиться котев!
 Розжиться котев!
 Вместо хлеба да вместо соли
 Наварил варнак картови —
 Розжиться котев.
 Розжиться котев.
 Он розжиться-то
 не розжився,
 Только пушше раззорився,

⁷ Русские варианты этой песни встречаем в кн.: Т. М. Акимова. Фольклор Саратовской области, кн. 1. Саратов, 1946, с. 81—82, № 24; В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. М.—Л., 1950. Приведенный текст взят из кн.: Меткое слово. Пермь, 1964, с. 156—157.

Только пушке раззорився, —
Сам варнак сбежав,
Сам варнак сбежав:
Он без чувок, без сапожек,

Без своего черны шляпы, —
Чуть он не замерз!
Чуть он не замерз!⁸

Как видно из двух приведенных выше текстов песни, различия между ними небольшие. В варианте В. Н. Серебrenникова 49 строк, в варианте П. А. Володина — 46. Песня, записанная от коми-пермяков, сохранила отрицательные черты Наполеона, так же страстно передается ненависть к нему как к завоевателю и захватчику русской земли и ее столицы Москвы. Она выражена и приемом прямой характеристики: «Китрый был пранчүз», «варнак», «вор-воришше», и через описание его поступков: «Во Россию он зашов, /Да к нашей Москве подошов», «Ободрав в черквах иконы», «Вместо хлеба да вместо соли/ Наварил варнак картови», «Сам варнак сбежав», «Он без чувок, без сапожек, /Без своего черны шляпы». Активными средствами характеристики Наполеона в обоих случаях являются ирония: «Сам себя избеспокоив» и сарказм: «Шут на ёстрове родився», «Полевончик-самозванчик, самому черту прикашшик». Сохраняется обличительная направленность всей песни.

Коми-пермяцкий текст повторяет анахронизмы русского текста: участником событий 1812 года назван князь Голицын, живший в XVII веке. В текст из собрания П. А. Володина вошло несколько строк другой песни на эту же тему, которую находим в публикации В. Н. Серебrenникова:

Француз много крови пролил,
Он и сам себя беспокоил,
В Россию зашел,
Да в Россешку зашел,

Да близко к Москве подошел;
Начали его палить,
Мы палили, братцы, не робели
Всем Парижем завладели.

У Володина находим строки, почти идентичные этим:

Пранчүз крови проливает,
Сам себя избеспокоив —
В Россию зашов!

« . . . »

Да к нашей Москве подошов.

В текст песни, записанной Володиным, не вошли слова, произносимые участниками событий:

Мы царю-то покорились,
Константину поклонились
Верю служить.

⁸ П. А. Володин. Песни пермяков. Пермь, 1887, № 4.

Нет и концовки, не имеющей прямого отношения к исторической теме, лежащей в основе песни:

Этой песенки конец,
Кто споет — тот молодец.
Девицу ведет,
За себя замуж берет,
Девушка не идет,
Сладку водочку не пьет
Да не кушает.

Коми-пермяцкая песня имеет особенности правописания, соответствующие живой разговорной речи: вместо звука «х» всюду звучит «к»; вместо «л» употребляется «в»; вместо «ц» — «ч».

В коми-пермяцкой песенной лирике широкое отражение нашла тема труда. Популярна песня, близкая русской, про обработку льна, в которой прослеживается весь процесс выращивания и применения льна, начиная с посева и кончая пошивом одежды. В песнях коми-пермяков отразились и другие трудовые процессы: косьба травы, сбор грибов и ягод и т. д.

Нашло свое поэтическое выражение и характерное для жизни этого народа отходничество. Крестьянин, разоренный помещиком и кулаком, вынужден был на значительное время года уходить на заработки в ближайшие города и на заводы. В песнях поется о том, как тяжелая и малооплачиваемая работа изматывала силы человека, и он чаще всего возвращался домой с пустой котомкой.

Среди трудовых коми-пермяцких песен выделяется своей социальной остротой песня «Мы в посывке» — песня о крепостной неволе, о непосильном труде на заводах графов Строгановых. Она, как свидетельствует своей записью и публикацией П. А. Вологдин, жила в сознании коми-пермяцких рабочих. Назван и информатор этой песни — Федор Механошин, рабочий Кондовского рудника Кувинского завода. Приведем ее полностью⁹.

Мы в посывке

Мы в посыв (л) ке¹⁰ дов (л) го
жили,
Писенок св (л) ожили;
Письню нову, письню браву —
По бурв (л) ачки жили.
...Нам-то жить-то не давали ---
На совет гоняли.
На совет, совет гоняли —
Совет совешшали.

Мы советик совешшали —
Сук (х) ари сушити.
Мы сук (х) арики сушили,
Сумы набивали.
Эти сумы набивали,
Ремнем зашивали!
Сумы да ремнем зашивали,
Коней поимали;
Мы да коней поимали,
Ямшичка выбрали;

⁹ П. А. Вологдин. Песни пермяков, № 6. Проголосная песня.

¹⁰ Примечание Вологодина: «Посывка» — барщина, натуральная повинность в крепостное время.

Мы да ямшичка выбрали —
Коней ворочати;
Коней, коней ворочати —
Пек(х)отой шагати.
Велики ли эти версты —
Ознобили пёрсты.
На ю(у) горе-косогоре
Стояв(л)а контора:
Конторушка новой, бравой,

Конторщик горбатый,
Пишшичек плешатый;
Они пишут на г(б)умагу,
На тонку листочик.
Нам сулили буйну пв(л)ату —
Нам дали в(л)опату,
Канаву копати,
Что канавушку копати —
Руду добывати¹¹.

В песне, как видно, показана изнурительная дорога к строгановскому руднику: «Пек(х)отой шагати». «Велики ли эти версты—/Ознобили пёрсты»; тяжелая работа на рудниках: «Нам сулили буйну пв(л)ату — /Нам дали в(л)опату, /Канаву копати, /Что канавушку копати — /Руду добывати».

Талантливость народа проявилась в правдивом изображении жизни крепостных пермяков, в глубоком понимании ими своего безвыходного положения. Крестьяне, которые завтра должны были стать рабочими, приглашались на совет, а им было совершенно ясно, что никто не будет считаться с их мнением, надо сушить сухари, набивать ими сумы и отправляться туда, куда посылают господа.

На совет, совет гоняли —
Совет совешшали.
Мы советик совешшали —

Сук(х)ари сушити.
Мы сук(х)арики сушили,
Суму набивали.

Показана в песне и способность народа к социальному протесту. Выразительная ирония использована для высмеивания бывшего крепостного самоуправления: «На югоре-косогоре /Стояв(л)а контора: /Конторушка новой, бравой»; сатирически зарисованы образы конторщика и писаря, непосредственных начальников над крепостными крестьянами.

Конторщик горбатый,
Пишшичек плешатый.
Они пишут на г(б)умагу,
На тонку листочик.

В коллективном исполнении рабочих Пихтового рудника Кувинского завода удалось услышать П. А. Вологдину песню «Жив(л) я

¹¹ Примечание Вологдина: «Песня эта бытовая, она описывает хождение крепостных пермяков гр. Строгановых в «посывку», т. е. на барщину, состоявшую в работах на рудниках. Описывая «совет», пермяк иронизирует над бывшим крепостным самоуправлением. Записано с голоса крестьянина Верх-Юсьвинской волости Соликамского уезда Федора Механошина на Кондовском руднике Кувинского завода того же уезда».

у пана»¹². Он назвал ее проголосной песней. Познакомим с ней и читателя:

Жив(л) я у пана по первое лето,
Зажив(л) я у пана курочку за это.
Моя курочка по двору к(х)одит,
Своик(х) ч(ц)ыплят водит.
В огороде к(х)одит — пана утешает.
И кричит: ой кудак, ой кудак,
Ой кудак, кудак, кудак!
Жив(л) я у пана по другое лето,
Зажив(л) я у пана ю(у)тоньку за это.
Моя ю(у)та воду мутит,
Моя курочка... и т. д.
Жив(л) я упана по третье лето,
Зажив(л) я у пана гусыньку за это,
Моя ю(у)та воду мутит,
Моя гуся — го, го, го.
Моя курочка... и т. д.
Жив(л) я у пана по четверто лето,
Зажив(л) я у пана теленка за это.
Моя ю(у)та воду мутит,
Моя гуся — го, го, го.
Моя теля к(х)востом метет,
Моя курочка... и т. д.

Таким же образом поется:

По пятое лето — «барана» за это.
По шестое лето — козоньку за это.
По седьмое лето — «дочечку»¹³ за это.
По восьмое лето — «быченьку» за это.
По девято лето — «коровку» за это.
По десято лето — «конёчка» за это.

Окончание песни:

Моя ю(у)та воду мутит,
Моя гуся — го, го, го,
Моя теля хвостом метет,
Мой баран — по горам,
Моя коза пала с воза,
Моя дочка — хрю, хрю, хрю,
Мой-от бык... тык,

¹² П. А. Вологдин. Песни пермяков, № 28.

¹³ Примечание Вологодина: «Дочка—свинья».

А корова — му, му, му.
Моя коня возит воды,
Моя курочка по дводу к(х)одит,
Своик(х) ч(ц)ыплят водит,
В огороде кодит — пана утешает
И кричит — ой куда, ой куда,
Ой куда, куда, куда!¹⁴

В приведенной кумулятивной песне отчетливо выражена уверенность в возможности иной, обеспеченной жизни, какой не было в то время у коми-пермяцкого народа. Народная мечта о лучшей жизни прежде всего связывалась с материальным благополучием, с хозяйством, где будут и куры, и гуси, и коровы, и лошади. Приведенная песня соотносима с песней, опубликованной в этом же издании П. А. Вологодина: «Зак(х)отелось матушке домом пожить»¹⁵, и с песней, опубликованной на коми-пермяцком языке: «Мунис миян маминьей торг на базар» («Пошла наша матушка торг на базар»)¹⁶, в которых выражена та же мечта народа о своем хозяйстве, о приобретении домашних животных — основе крестьянского хозяйства. В песне «Жив(л) я у пана» мечта народа об обеспеченной жизни передается сдержанно, это мечта не свободных, а зависимых, работающих на господ (панов) людей. Две последние, названные выше, более уверенно выражают стремление крестьян и рабочих иметь свое хозяйство. В песне «Зак(х)отелось матушке домом пожить» — обращение к «матушке-государыне», захотевшей «домом и станом пожить», с просьбой пойти на базар и купить желанных уточек, курочек и гусят, барашка и козлика, коровку и лошадку.

Не случайно две последние песни называются плясовыми в отличие от первой прогolosной. Дело не только в мелодии, в ритмике и интонации, а и в самом содержании песен.

Все три песни близки между собой в композиционном отношении. В них своеобразно применен принцип градации: образы перечисляются в порядке постепенного усиления их значительности. Во всех трех песнях изображение и выражение чувства усилено использованием звукоподражаний голосам птиц и животных. В коми-пермяцком языке звукоподражания имеют особое значение: они заменяют собой отдельные слова, целые выражения, а иногда и картины в художественных произведениях.

Основную массу прогolosной коми-пермяцкой лирики составляют семейно-бытовые и любовные песни. Для песен этого рода характерно включение широко развернутых картин быта, окружаю-

¹⁴ Примечание Вологодина: «При хоровом исполнении начало песни поется до слов «Моя курочка», с которых... до конца».

¹⁵ П. А. Володин. Песни пермяков, № 13.

¹⁶ Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчество — Коми-пермяцкое народное устное поэтическое творчество. Кудымкар, 1960, с. 142.

щей обстановки, природы, описание поведения людей, тонкая передача чувств.

Об интересе коми-пермяка рабочего к песням подобного типа свидетельствует приведенная П. А. Вологдиным «Кумушка менам» («Кумушка моя»). Она опубликована на коми-пермяцком языке и в переводе на русский¹⁷.

Кумушка менам,
Да гов(л)убушка менам!
Воктыштам мэ ордам, —
Пукавы, керамы,
Сер... там и бантам,
Горьи-сэ горюитам.
Уна сэртас-сэ визьзям,
И сэртас-сэ шулявам; —
Уна угарки шогмама:
Мэд-па вэснн визьзян, —
Мивой друг-сэ витчисям.
Мивой друг-ыс дыр оз вок.
Эшшиньсо осьтам —
Эт-два дора видчитам,
Мэд-два дора видчитам...
Вэрас муныс, писня слівис.
Пипу лисьис шумитэ...
Мивой друг-ыс дыр оз вок.
Посазэт вокты —
Сапоги-эн стукэтэ;
Каптан-ыс шумитэ;
Би-сэ эстыштам.
Кэрку шэрас эктыштыс,
Крес-на-крес юрбытыштыс,
Люзь бэрдэ —
«Кытэн кумушка узэ,
Да говубушка узэ?»
Комын кровать вывым,
Паськыт перина вывым:
Шульгэ кйсэ нюжатам,
Вэськыт кинэс шебриштам...

Кумушка моя,
Да голубушка моя!
Приходи-ка ко мне,
Посидим, поработаем,
Посмеемся и поговорим,
Горе погорюем.
Много лучины сожжем,
И еще лучины нащепаем;
Много огарков нагорит;
И в другой раз нажжем.
Милаго друга дожидаясь, —
Милый друг долго нейдет.
Оконце откроем, —
В одну сторону посмотрим,
В другую сторону посмотрим...
Лесом идет, песни поет.
То осиновый лист шумит...
Милый друг долго нейдет.
По сеням идет,
Сапоги стучат,
Кафтан шумит,
Огонь ярче зажжем.
Вошел на середину избы,
Перекрестился, помолился,
Слезно заплакал —
«Где кумушка спит —
Где голубушка спит?»
Там на высокой кровати
На широкой перине
Левую руку подкладывает,
Правой рукой прикрывается¹⁸.

В наше время песня опубликована в хрестоматии, составленной В. В. Климовым¹⁹. События происходят в избе, освещенной

¹⁷ П. А. Вологдин. Песни пермяков, № 2.

¹⁸ Примечание П. А. Вологодина: «Далее есть еще две строки, но со словами, неудобными для печати. Записана на Пихтовском железном руднике Кувинской волости от пермяков Юсьвинской и Егвинской волостей Соликамского уезда».

¹⁹ Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчество с. 186.

лучиной, девушка приглашает к себе подруг, чтобы вместе с ними встретить своего милого.

Кумушка менам,
Да гов(л)убушка менам!
Локтыштам ме ордö
Пукалам-керам,
Горесö горюйтам.

Кумушка моя,
Да голубушка моя!
Приходи ко мне
Побудем-поработаем,
Горе погорюем... и т. д.

Чтобы праздничнее, радостнее была встреча с милым, девушки готовят побольше **лучины**. Для усиления эмоциональной стороны — передачи чувства ожидания, нетерпения и известной тревоги — привлекается природа, картины которой даны в восприятии девушек:

Милой другöс видзчисям,
Милой другöсдыр оз в(л) ок.
Ошынсö осьтам,
Отладорö видзöтам,
Мöдладörö видзöтам.
Вöрас мунас, писня сыв(л) ас.
Пипу листыс шумитö...
Милöй другыс дыр оз в(л)ок.

Милого друга ждем.
Милый друг долго не идет.
Окно-то раскроем
В одну сторону посмотрим...
В другую сторону посмотрим...
Лесом идет, песни поет.
Лист осиновый шумит...
Милый друг-то нейдет.

Динамичны сцены, связанные с приходом долгожданного парня.

Посадöt в(л)октö,
Сапогийн стукötö,
Кафтаныс шумитö.

По деревне идет.
Сапогами стучит,
Кафтаном шумит.

Девушки-«кумушки» торопливо зажигают новые лучины, а сами прячутся. Появляется «милый друг» и находит свою любимую на высокой кровати, на широкой перине, на мягкой подушке²⁰.

К песням с острой социальной проблематикой относятся песни рекрутские и солдатские, большинство из которых бытует среди коми-пермяков на русском языке. Лирические образы этих песен: солдатка-жена, с часу на час поджидающая своего мужа (она живет в такой бедности, что уже «три дня печку не топила, не варила ничего»), мать солдата, потерявшая надежду увидеть вновь сына, девушка, тоскующая о своем любимом, с которым ей долго не встретиться, и, наконец, главный герой — рекрут или солдат. Это или самый лучший сын в семье, «третий сын, — хорош мальчик,

²⁰ Между текстами Вологодина и Климова есть небольшие разночтения, которые могут быть отнесены за счет не всегда правильного понимания оригинала и неточного перевода русским собирателем (Вологдиным). Новая публикация произведена с помощью современной графики и орфографии.

хорош, во солдатчину пригодится», его везут то в Чердынь, то в Пермь на призыв, или самый плохой, последний сын в семье, он и «ростом малешенек» и «умом глупешенек», а его все равно в солдаты берут. Немногими выразительными чертами схвачен внешний облик рекрута.

По плечам кудри валяются,
По груди слезы катятся.

Волнуют сцены прощания парня со своей волей. С напускной бодростью обращается к своим товарищам:

Ой вы братцы, мои братцы,
Ой, запрягайте пару коней,
Ой, пару коней силовых.
Садитесь вы на козлы,
Берите в руки вожжи,
Везите в город Чердынь на прием.

Не скрывая своего горького горя, искренне говорит матери:

Уж ты мать, моя маменька,
Недорослая я в поле ягодка.
Отдаешь меня во солдатушки,
В чужу, дальнюю сторонушку.

Тоску солдата по родной стороне, по своей семье не могут заглушить и разнообразные дорожные впечатления :

По синю морю корабль плывет.
На этом корабле три полка солдат.
Молодой солдат домой просится:
«Офицер ты майор, отпусти меня домой.
К отцу, матери родной, к женошке молодой».

Семья, оставшаяся на долгие годы без кормильца и помощника, изливает свое горе «красному солнышку». Картине цветущей природы противопоставлена картина заброшенной, приходящей в упадок «горенки».

Ты взойди, красное солнышко,
Над горой-то, горой высокою,
Над полянушкой далекою,
Над кудрявушкой над зеленою.
Тут стоит-то, стоит горенка,
Нова-то горенка — не построена,
Сени-то новые не метены.
У нас некому сени вымести,
Сени вымести, сору вынести.
Наше-то дитяtko дома нетушка,
Дома нету-ка — во солдатушках.
Он не год служил, он не два служил,

Он служил-то, служил тридцать три года,
На тридцать четвертом он домой пришел...²¹

В солдатско-рекрутскую поэзию вписывается и задушевная грустная песня «Сизенький гов(л)убчик», которая глубоко запала в душу рабочего коми-пермяка, и он сохранил ее в своей памяти. Записана эта песня П. А. Вологдиным на Далдинском руднике Кувинского завода, он слышал ее в хоровом исполнении рабочих²². Вариант этой песни в общерусском фольклоре ближе всего к уральской традиции. В этом легко убедиться при сравнении публикаций П. А. Вологодина и уральского фольклориста В. Н. Серебренникова.

У П. А. Вологодина:

Сизенький гов(л)убчик
Сидит на дубочке,
Сидит мив(л)ой на дубочке;
Очи ево ясны,
Брови его черны,
Личико ево би(е)ленько,
Шшочки²³ его алы.
Налетав(л)а пава,
Середь двора пав(л)а,
Сама зворковав(л)а:
Ай, што мив(л)ый робит,
Ай, што работает? —
— Робит, работает —
По двору гуляет,
Конюшка мив(л)ый седлает —
Со двора съезжает.
Ай, што мив(л)а робит,
Ай, што работает?
— Шив(л)а, вышивав(л)а,
Зов(л)оты узоры —
Ваньке-то манишку,
Петьке-то жилетку,
Яшке-то рубашку,
Гришке-то дружку
пальтишко²⁵.

У В. Н. Серебренникова:

Сизенький голубочек
Сидел на дубочке,
Чешет головушку рыбьим
гребешком.
Очи его ясны. Брови
его черны.
Личико беленько.
Прилетела пава,
осередь двора пала,
Сама она про то знала,
Сама она ведает,
Что миленький делает.
По дворику ходит,
Конька седлает,
Коня вороного.
Вот спросили друга
во солдатску службу,
Шила-вышивала милому
рубашку,
Золотым узором,
Плакала-рыдала, слезы
утирала
Русою косою, лентой
голубою²⁴.

²¹ М. Н. Ожегова. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961, с. 65—66.

²² П. А. Вологдин. Песни пермяков, № 29.

²³ Примечание П. А. Вологодина: «Звук «ш» в произношении не только пермяков, но и местного русского населения заменяется двойным «шш», например, щель—шшель; шука—шшука и т. д.»

²⁴ Опубликовано В. Н. Серебренниковым в сб.: Пермский краеведческий сборник, 2. Пермь, 1926, с. 162, № 9. Повторена изданием в сб.: Меткое слово, с. 162.

²⁵ Примечание П. А. Вологодина: «Записана на Далдинском руднике Кувинского завода 2 февраля 1873 года. Пели хором пермяки Верх-Иньвенской и Верх-Юсьвинской волостей Соликамского уезда».

Тот и другой варианты песни близки к аллегории, в них символически центральные образы «милого», снаряжающего коня, и «павы», девушки, находящейся в большом горе из-за того, что ее любимый призван на солдатскую службу. В варианте Вологодина это состояние выражено рядом риторических вопросов: «Ай, што мив(л)ый робит?»/ «Ай, што работает?»; в варианте Серебренникова «Сама она ведает»; в варианте Серебренникова девушка помогает собраться только своему милому: «Шила, вышивала милomu рубашку»; в варианте Вологодина помогает собраться не только своему любимому, но и его друзьям, она шила: «Ваньке-то — манишку, /Петьке-то — жилетку, /Яшке-то — рубашку», а своему милому — пальто. У Серебренникова отчетливее выражено содержание рекрутской песни: «Спросили друга во солдатску службу» и глубже показано горе девушки: «Плакала-рыдала, слезы утирала /Русою косою, лентой голубою».

На Кондовском руднике от рабочих П. А. Вологдин записал песню «Ты-де зайныко»²⁶ и опубликовал ее как плясовую:

Ты де-зайныко,
Ты-де си(е)ренькой!
Где ты быв(л), побывав(л)?
Быв(л) я, быв(л) я, парень мой,
Быв(л) я, быв(л) я, серч(дц)о мой,
В огороде, в ельнике,
На повити, в соснинке.
Ты-де зайныко,
Ты-де си(е)ренько(и)й,
Ты не видел(л) ли кого?
Видев(л), видел(л), парень мой,
Видев(л), видел(л), серче мой, —
Три девицы к(х)ороши,
Три девицы пригожи:
Перва-то Марья,
Другая-то Дарья,
Третья Дуня удав(л)а
Стакан водки подавав(л)а.

Песня «Ты-де зайныко», с одной стороны, близка песням общерусской традиции, таким, как широко распространенная на Урале песня «Где ты, зайка, бывал?»²⁷ С другой стороны, она схожа с популярной, до сих пор бытующей в среде коми-пермяцкого и коми-зырянского народа, кумулятивной песней-сказкой «Бобѳ тѳ, бобѳ, кытѳ ветлин?»—«Боба, боба, куда ходил?» (бобо-зай-

²⁶ П. А. Вологдин. Песни пермяков, № 7.

²⁷ Меткое слово, с. 251. Запись В. Н. Серебренникова. Другие варианты этой песни указаны в этой же книге, с. 335.

ка)²⁸. Композиционно все песни этого типа близки друг другу, основным структурным элементом является вопросно-ответная цепочка. Однако различия и с русскими вариантами песни этого типа и с национальными, приспособленными к восприятию детей, значительны.

И еще одна жанровая разновидность песни записана П. А. Вологдиным от рабочих — «На Раменьне Ваник(х)а». Собирателем определен характер песни следующим образом: «Плясовая песня новейшего сложения».

На Раменьне Ваник(х)а,
Ок калина, ок малина!
В Сидоровом Проник(х)а,
Ок калина, ок малина!
В Яросв(л)авым Ляжик(х)а,
Ок калина, ок малина!
В Тебеньковом Пашик(х)а,
Ок калина, ок малина!
Заводын прикошшич(ц)а,
Ок калина, ок малина!²⁹

Таких песен-импровизаций, отличающихся от песен с устойчивым текстом, было много среди коми-пермяков. Готовых песен было мало, и поэтому сочинялись все новые и новые, непринужденно выражая в слове все то, что в данный момент привлекало внимание людей, чаще всего на праздниках, на гулянках. Примером подобной эмпирии, например, может служить следующая песня:

Мы, вöрас пырым,
Вöрас ош сёяс.
Мийо кöзлас калм,
Кöзлас ур пурас.

Мы в лес зайдем,
В лесу медведь съест.
Мы на ель заберемся,
На ели белка искусаёт³⁰.

На импровизационный характер указывают их авторы, они не говорят—споем песню, а говорят — сложим песню.

В статье ставилась скромная задача — напомнить читателю о том, какое большое значение для удовлетворения эстетических потребностей бесписьменного народа, крепостных, приписанных к строгановским заводам, и сезонных рабочих в частности, имело

²⁸ Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчество с. 151. Песня напечатана на коми-пермяцком языке.

²⁹ Примечание П. А. Вологодина: «Рамены, Сидорова, Тебенькова — деревни Кувинской волости. Завод Кувинский — чугуноплавильный... Ваниха, Прониha и другие пермячки, выдающиеся чем-либо, все равно — хорошим или дурным. Песня служит примером примитивного приема в песнесложении пермяков».

³⁰ М. Н. Ожегова. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа, с. 79.

устное народное творчество. С этой целью перепечатаны те немногие образцы народной лирики, которые в конце прошлого столетия были записаны П. А. Вологдиным. Литографированный способ издания и малый тираж привели к тому, что к настоящему времени они стали уникальными.

Не стремясь к всестороннему идейному и поэтическому анализу их, мы ограничились краткими комментариями, которые позволили бы понять, что рассматриваемые песни не случайны, а составляют органическую часть народной лирики коми-пермяцкого народа.